

УДК929:59:378.4(477.74)

А. М. АНДРИЕВСКИЙ

К.б.н., доцент, Одесский национальный университет

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛАРИСЕ ЕФИМОВНЕ БЕШЕВЛИ

В сентябре этого года исполнилось 100 лет со дня рождения Ларисы Ефимовны Бешевли. Радует то, что по прошествии 18 лет после смерти, Лариса Ефимовна не забылась в памяти большинства сотрудников биологического факультета и даже скромные воспоминания о ней становятся востребованными. В связи с этим я хочу выразить благодарность историкам нашего факультета В. А. Кузнецову и Л. В. Рясикову за оказанное автору этих строк доверие и предоставленную возможность поделиться с читателями некоторыми воспоминаниями о замечательном человеке – Ларисе Ефимовне Бешевли.

В 70-е годы прошлого столетия у студентов-биологов было модным: уже с первого курса попробовать свои силы в науке и, найдя подходящее место, закрепиться (в лучшем случае навсегда) на избранной кафедре, рассчитывая на искреннюю заинтересованность и поддержку конкретного преподавателя. Многие мои однокурсники и я в их числе, буквально с первых месяцев учебного 1974 г. стали кто с толком, а кто и без толку околачиваться на кафедрах. Поступая как большинство, я оказался в лаборатории физико-химических методов исследования (с года основания и до 1977 г. эта лаборатория находилась в комнате № 17), где тут же был прикреплен к аспирантке (как выяснилось – аспирантке доцента кафедры биохимии В. Н. Тоцкого) Виктории Ольшанецкой. Вика (её тогда только так все и называли) в студенческие годы была молодёжным лидером не только в научной сфере, но и в общественной, культурно-массовой жизни факультета. Она, к примеру, возглавляла интеллектуальный клуб «Аристон», участвовала в художественной самодеятельности и организовывала праздники «День факультета» и пр. Она, чувствуя резонанс с моей стороны, стала знакомить меня (поначалу заочно) с интересными людьми факультета. Так, в 1974 г. состоялось моё знакомство с Ларисой Ефимовной Бешевли.

Я знал, что Лариса Ефимовна, будучи зоологом, руководила студенческим кружком прикладной биологии однако наша дружба завязалась отнюдь не на почве биологических интересов. Во все годы студенчества, да и потом, меня всецело привлекала экспериментальная биохимия, и я не мог себе позволить отвлекаться на изготовление учебных пособий (теперь могу и об этом только сожалеть).

В течение пяти лет учёбы с Ларисой Ефимовной я встречался редко: то в коридорах факультета, то в аудиториях кафедры зоологии беспозвоночных животных, то иногда она появлялась в 17-ой аудитории в поисках В. Ольшанецкой, а в обязательном порядке – один раз в году на празднике «Дня факультета». Всё оказалось бы совершенно не так, если бы я после окончания университета уехал в родной город Николаев по вызову одной из школ, куда меня приглашали на должность учителя биологии и химии. Но я дал согласие остаться в стенах биологического факультета и в октябре месяце 1979 г. был зачислен на должность инженера лаборатории физико-химических методов исследования – той самой лаборатории, в которой я проводил всё своё свободное время в течение первых трёх лет студенческой жизни, экспериментируя на крысах и мышах, изучая механизмы транспорта в митохондриях меченными изотопами углерода и серы никотиновой и липоевой кислот. А далее, пока я был занят выполнением дипломной работы в лаборатории биохимии и физиологии растений Всесоюзного селекционно-генетического института, лабораторию физико-химических методов исследования в 1978 г. из 17-ой аудитории перевели в комнату № 29,

так что придя в лабораторию в качестве её сотрудника, я оказался соседом Ларисы Ефимовны Бешевли, которая занимала 30-ю аудиторию, полностью отведенную под кабинет прикладной биологии. С тех пор вплоть до 1993 г. мы с Ларисой Ефимовной были практически неразлучны и как соседи, и как друзья.

Несколько слов хотелось бы сказать о чертах характера и образе жизни Ларисы Ефимовны, которые постепенно открывались передо мной за время нашей дружбы. Во-первых, она была крайне неприхотливой к пище, если думала только о себе (но я замечал, что о себе она практически не думала), довольствуясь обычно хлебом и кефиром; носила ветхую и давно вышедшую из моды одежду и часто не по сезону. Несколько раз она соглашалась принять из рук моей супруги новые вещи, стеснялась и радовалась как ребёнок (бедная Лариса Ефимовна!..). Во-вторых, несмотря на испытываемые нужды, она отличалась отменным здоровьем: я не помню, чтобы она на что-то жаловалась на протяжении многих лет. В-третьих, она поражала меня своей дисциплинированностью (в этом сказывалось и полученное воспитание в женской гимназии и отношение к ней её отца – грека по национальности). В-четвёртых, она была совершенной оптимисткой, жизнерадостной, русоволосой и голубоглазой, энергичной натурой, способной, подобно Солнцу, дарить свет, тепло и радость. В-пятых, Лариса Ефимовна была строга к себе и требовательна к другим, в совершенстве владела мастерством биолога-препаратора и умела обучать студентов-кружковцев этому мастерству. В-шестых, не гналась ни за славой, ни за почестями; она просто безумно «любила свою работу» и фактически до последних дней своей долгой жизни отдавала ей всю себя, горя идеями, планами, воплощениями... Пенсионные деньги практически все, за исключением коммунальных платежей, тратила на закупку подручных материалов: карандашей, красок, кистей, бумаги, картона, досок, фанеры, проволоки, ваты, клея, крахмала, гипса и прочего – всего, что необходимо было для работы кружка.

Несколько лет подряд в зимнее время Лариса Ефимовна проживала в однокомнатной коммунальной квартире в доме «Кириченко» на улице Энгельса, в старинном, но крепком доме с паркетными полами и высоченными потолками. Несколько раз, один или с супругой, я бывал там в гостях у Ларисы Ефимовны. У неё была не просто жилая комната, а филиал какого-то зоологического музея: чучела пингвинов, фазанов, уток, зайцев, препараты омаров и других животных, коллекции раковин моллюсков, коробки с препарированными бабочками и иными насекомыми. Кроме того, имелась небольшая библиотека по биологии. После смерти Ларисы Ефимовны в 1993 г. все эти ценности неизвестно куда канули. Кстати, и то, что копилось в её кабинете, было роздано в разные руки или просто выброшено.

Ещё при жизни Лариса Ефимовна предлагала мне забрать горы бумаг, альбомов и журналов. Я не решался этого делать и взял лишь на память блестяще оформленный «Отчёт об учебной практике по зоологии беспозвоночных студентки первого курса биологического факультета Е. Сорочинской» о практике, которой руководила Лариса Ефимовна в июне 1952 г. Этот отчёт передан мною на хранение в Зоологический музей Одесского национального университета. К нему также приложен титульный лист и отдельная страница с рисунками насекомых подобного отчёта за июль 1963 г. студентки Л. С. Сихарулидзе.

С ранней весны и до глубокой осени Лариса Ефимовна проживала на пустовавшей от хозяев даче профессора Чижова, он жил то ли в Днепропетровске, то ли в Донецке и в Одессе в 80-е годы бывал крайне редко; возможно навещались его родственники, однако я их никогда не видел на даче. Эта дача располагалась в том же дачном массиве, что и дача В. П. Филатова, по центральной аллее, с левой стороны, в глубине. Место благодатное, хотя и запущенное до крайности: Лариса Ефимовна хозяйством практически не занималась, просто не хватало сил. Она занимала небольшую по площади комнату, в которой находился столик с каким-то допотопным неисправным телевизором и металлическая кровать с панцирной сеткой и очень скромными спальными принадлежностями. Я как-то поинтересовался: «Как же можно здесь спать?», на что Лариса Ефимовна ответила: «Я так устаю, что на неудобства не обращаю внимания. Как ложусь – так и просыпаюсь. Сплю как камень...».

Но удивительно то, что все неудобства, недостатки и житейские трудности отступали на задний план, когда Лариса Ефимовна решала организовать для близких друзей праздничный обед или ужин на даче или на квартире.

Блюда готовились по высшему разряду. Лариса Ефимовна была великим кулинаром и с удовольствием делилась своим богатым опытом с моей супругой, которая часто помогала ей организовать праздничный стол. Кстати, она всегда называла мою жену Алёнушкой и просила, чтобы та обращалась к ней по имени – Ларочка; искренне любила детей наших: Наташу и Сашу. По наследству моей жене от Ларисы Ефимовны были переданы несколько эксклюзивных кулинарных рецептов, которые я впервые хочу здесь привести с целью их использования в домашнем хозяйстве всеми, кто питает интерес к кулинарному искусству. Вот эти рецепты, записанные Еленой Эдуардовной Андриевской из уст Ларисы Ефимовны Бешевли:

1. «Греческое рагу от Ларисы Ефимовны»

- 1 кг говяжьей «лопатки»,
- 2 луковицы,
- 4 баклажана,
- 1 чайная ложка сахара,
- чёрный перец и соль – по вкусу.

Обжарить нарезанное кусочками мясо на подсолнечном масле и поставить тушиться. Поджарить нарезанный ребрышками лук. Обжарить нарезанные толстыми кружками баклажаны. Мясо тушить 1,5 часа, добавить лук, баклажаны, посахарить, поперчить и посолить. Дотушить в течение 0,5 часа. Подавать к столу в горячем виде!

2. «Пирожки Бешевли»

- 0,5 палочки дрожжей,
- 1 баночка сметаны,
- 200 г маргарина,
- 1 куриное яйцо,
- 1 столовая ложка сахара,
- 3 стакана пшеничной муки,
- 1 чайная ложка пищевой соды, погашённой уксусом, щепотка соли.

Развести дрожжи водой, всыпать сахар и поставить в тёплое место. Насыпать муку горкой и сделать углубление. Туда вбить яйцо, влить дрожжи, добавить маргарин и сметану. Замесить тесто, сделать из него «колбаску», разделить её на четыре равные части, скатать колобки и поставить в тёплое место для подъёма. Из каждого колобка раскатать лист средней толщины и разрезать лучами на 8 частей. Фаршировать капустой, мясом, рисом, картошкой; закручивать, как рогалики. Выпекать в горячей духовке. Пирожки смазать взбитым яйцом.

3. «Пончики Бешевли»

- 4 куриных яйца,
- 1 стакан пшеничной муки,
- 1 пачка творога,
- 1 чайная ложка пищевой соды, погашённой уксусом.

Замесить тесто. В казанок налить подсолнечное масло, довести его до кипения и чайной ложкой опускать в кипящее масло шарики из теста. Жарить пончики до золотистого цвета, чтобы были румяными.

4. «Быстрый пирог Ларисы Ефимовны»

- 2 куриных яйца,
- 1 стакан пшеничной муки,
- 1 баночка майонеза,
- 0,5 баночки сметаны,
- 0,5 чайной ложки пищевой соды, погашённой уксусом.

Вымесить ложкой негустое тесто. Выложить половину теста в форму, сверху положить фарш (начинку). Вторую половину теста выложить на фарш. 1) Начинка мясная: 200 г отварного мяса пропустить через мясорубку, добавить лук, жареный на сливочном масле, 1 – 2 сваренных вкрутую и порубленных куриных яйца, зелень петрушки, чёрный перец, соль. 2) Начинка картофельная: Сырой картофель порезать кружками толщиной 0,5 см и уложить на тесто плотным слоем. На каждый кружок картофеля положить кружок сырого лука.

5. «Торт «Маренго»»

1) Бизе:

1 стакан сахара,
белок 4 сырых куриных яиц,
сок половины лимона.

Взбить на огнерассекателе до заваривания белка. Противень смазать пчелиным воском. Ложкой выложить бизе на противень и высушить при открытой духовке.

2) Крем:

400 г сливочного масла,
3 / 4 банки сгущённого молока,
желток 4 сырых куриных яиц,
ядра 50 прокалённых грецких орехов,
сахар (по вкусу).

Крем разогреть на огне, не доводя до кипения. Выложить бизе на блюде пирамидой, соединяя его кремом.

Общение для Ларисы Ефимовны было жизненно-необходимым занятием. Не помню дня, чтобы Лариса Ефимовна, придя на факультет, не заглянула ко мне в 29-ю и не спросила: «А Альсан Михалыч есть?!» и я отзывался: «Я – здесь, Лариса Ефимовна!».

Она нуждалась в разных видах помощи и я всегда старался быть отзывчивым... Годы шли, уверенно и быстро. И вот однажды (в конце 80-х годов) Лариса Ефимовна мне призналась, что она практически ничего не видит. Она была в паническом состоянии и я себе представлял, какой страх она переживала. Недолго думая, я обратился за помощью к моей очень хорошей знакомой из клиники В. П. Филатова – Наталье Витальевне Смалюх, кандидату медицинских наук, детскому офтальмологическому хирургу. Наталья тут же, невзирая на колоссальные очереди, устроила консультацию с диагностикой, и всё стало ясно, как в божий день: билатеральная глаукома и такая же билатеральная зреющая катаракта; остаток зрения на каждом глазу составлял 10 – 15 %. Основная проблема заключалась в том, что в таком возрасте, как Лариса Ефимовна, пациенты чаще всего оказываются неоперабельными по ряду жизненных показателей (слишком велик риск хирурга, отважившегося оперировать ослабленного пожилого человека). Однако медлить было нельзя, и я упросил Наталью всё-таки прооперировать Ларису Ефимовну под мою ответственность.

Операцию провёл лучший хирург клиники профессор Анатолий Калистратович Кривицкий, причём, оперировал он традиционным (скальпельным), а не лазерным (лучевым) методом. Лариса Ефимовна мужественно (я бы даже сказал оптимистически) перенесла это испытание и готова была к очередной операции. Вторая прошла так же успешно, как и первая, а за нею последовали ещё две по поводу катаракты. Таким образом, наступающая слепота была остановлена, благодаря железным нервам, доброму сердцу и золотым рукам А. К. Кривицкого (с тех пор и по сей день мы с Анатолием Калистратовичем остаёмся близкими друзьями).

В день 80-летия Ларисы Ефимовны мы с супругой подарили имениннице памятную медаль из настоящей бронзы, отлитую на Черноморском судостроительном заводе в городе Николаеве. Лариса Ефимовна была очень рада и сказала, что ей государство никаких медалей не давало, а вот мы «такое придумали...».

Всегда окружённая студентами-кружковцами, знакомыми, друзьями (она, кстати, очень дорожила своими взаимоотношениями с Таней Осадько, Наташей Шматько, Светой Слабой, Таней Мищенко, Сашей Запорожченко, Ирой Богданчик, Олегом Ковтуном, Борей Александровым, Таней Ступенко, Лёней Рясиковым, Сашей Задереем и другими, называя их «мои студенты»).

Лариса Ефимовна по сути была одиноким человеком. Она всецело отдавала себя любимой работе, создавала экспонаты, пособия, организовывала пересылку их на «БАМ» (в частности, в одну из школ города Тынды), в Никарагуа и Афганистан, передавала опыт всем, кто проявлял хоть какой-то интерес к зоологии и к изготовлению наглядных пособий. В конце жизненного пути ей предстояло ещё пережить переезд на другую квартиру на улице Островидова, на самый верхний этаж, в дом без лифта..., по инициативе некоего опекуна. После переезда я несколько раз посещал Ларису Ефимовну или провожал её прямо от факультета домой и она жаловалась на то, как ей неудобно и тяжело подниматься по лестничным маршам на пятый этаж.

Однажды она плохо себя почувствовала и оказалась в Еврейской больнице, из которой ей уже не суждено было выйти живой. Потом были похороны, и до сих пор у меня в душе лежит осадок: как же так вышло, что я не навестил Ларису Ефимовну, когда она находилась в больнице, не проведаль, не успокоил, не успел попросить прощения - не думал, что всё так серьёзно и навсегда. Возможно, она и сама не хотела меня видеть, и осталась в моей памяти здоровой и жизнерадостной. Вечная ей память.

Поступила в редакцию 19.11.2010 г.